

К ИСТОРИИ «СОРОКИ-ВОРОВКИ»

Сообщение Т. С. Г р и ц а

Рассказы М. С. Щепкина о крепостнической России, о самодурах и взяточниках, о жертвах бесправия и неограниченного произвола обогащали творчество и Гоголя, и Сухово-Кобылина, и Соллогуба, их записывали Некрасов, Сатин и Стахович.

Современников привлекало в этих рассказах знание жизни от «дворца до лакейской», острая наблюдательность, умение образно показать и трагические и комические стороны быта.

Уже при первом знакомстве со Щепкиным Герцен «хотел как безумный от его дара рассказывать анекдоты» (II, 342), а потом долгие годы восхищался устными импровизациями актера, в которых пробивалась «струя демократии и иронии» (III, 317).

19 марта 1844 г. Герцен записывает в своем дневнике анекдот о протоколисте Котельникове, который «ездил на 11 исправниках» (III, 317—318). Этот же анекдот приведен во второй части «Былого и дум» (XII, 242—243). Сохранил Герцен в своих записях и страшную историю о крестьянине, который предпочел убить своих детей и умереть самому под шницрутенами, лишь бы не попасть в военные поселения (XX, 321—322).

Известно, что печальная история крепостной актрисы графа Каменского, легшая в основу «Сороки-воровки», написана Герценом также со слов Щепкина.

По свидетельству И. И. Панаева, еще в 1839 г. на даче близ Химок Щепкин рассказывал «разные анекдоты и случаи из своей жизни, между прочим и „Сороку-воровку“, которую впоследствии, со слов его, так хорошо изложил Герцен» (И. И. П а н а е в. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 275—276).

Историю крепостной актрисы Щепкин рассказывал и после опубликования в 1848 г. повести Герцена. Поэт-петрашевец Плещеев, побывавший у актера незадолго до своего ареста, писал 14 марта 1849 г. Достоевскому: «Что за молодой старик! Сколько юношеского жара, сколько энтузиазма и глубокой любви к искусству, которое он так хорошо понимает! Я незаметно просидел у него несколько часов. Он рассказывал мне много интересных вещей, между прочим, говоря о русских актрисах, коснулся анекдота о Сороке-воровке и рассказал мне его так, что, уверяю вас, Искандерова повесть не производит и половины того впечатления, какое изустный рассказ Щепкина, потому что здесь больше искренности; видно, что человек от сердца говорит, не становится на ходули. У него слезы блистали на глазах, когда он говорил о свидании своем с этой актрисой, которой он мне имя назвал, так же как и имена прочих лиц этой повести» («Дело петрашевцев», т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 288).

Между тем, обстоятельства, предшествовавшие созданию «Сороки-воровки», не изучены. И в исследованиях, посвященных Щепкину, и

в комментариях к повести Герцена пребывание актера в Орле в театре графа С. М. Каменского до сих пор оставалось «белым пятном».

Впервые с именем Каменского Щепкину пришлось столкнуться в 1818 г. Губернатор Малороссии князь Н. Г. Репнин, очевидно, под влиянием своего брата, будущего декабриста С. Г. Волконского, решил выкупить крепостного актера у его владельцев, графов Волькенштейнов. Желанная свобода казалась уже близка, когда над Щепкиным нависла угроза еще более страшного рабства: актера захотел купить владелец орловского театра — жестокий крепостник и самодур граф С. М. Каменский.

Многочисленные слуги и музыканты графа жили на «военном положении». Ходили в мундирах с белыми, красными и голубыми воротниками, обозначавшими их дворовой «чин». За заслуги переводились из одного цвета в другой, о чем возвещалось в ежедневных графских приказах. На обед собирались по барабану. Ели стоя — сидеть запрещалось. За актрисами был установлен строжайший надзор. Без особого разрешения они ни с кем не могли видаться. В ложе графа на столе лежала объемистая книга. Он внимательно следил за представлением и записывал малейшие ошибки и упущения своих актеров. После каждого акта Каменский выбирал одну из многочисленных плеток, висевших тут же на стене, и отправлялся за кулисы чинить расправу. Вскоре из-за красочного занавеса, изображавшего Аполлона с девятью музами, до слуха

*Марья Каушаровна
Рейхель
Ке Магистр от Ви
рине Шепкина*

ЮБИЛЕЙ М. С. ЩЕПКИНА.

В субботу, 26-го ноября, избранное общество Москвы праздновало пятидесятилетнюю годовщину служения первоклассного нашего артиста М. С. Щепкина сценическому искусству. Устроителями и распорядителями пиришества были М. П. Погодин, Н. Х. Кетчер и С. П. Полуденский. В три часа по полудни, многиа почетныа лица, ученые, литераторы, художники и любители собрались в залах Училища Живописи и Ваяния, чтобы воздать должную дань уважения и признательности маститому художнику, котораго талант и сценическая деятельность в течение двадцати пятидесятилетия воспитывали чувство влечения в Русской публике. М. С. Щепкин, приглашенный на торжество, от имени собравшагоса общества, А. О. Армафельдъ, и артистом Московскоа сцены И. В. Самариным^{*)}, был встречен в дверях зала, при звуках музыки, М. П. Погодин

^{*)} М. И. Катковъ, который должен был принадлежать в этой депутации, по болезни не мог участвовать в настоящем торжестве.

«ЮБИЛЕЙ М. С. ЩЕПКИНА»

Статья в «Литературном отделе „Московских ведомостей“ № 143, 1835 г. Экземпляр с дарственной надписью артиста: «Марье Каушаровне Рейхель на память от старика Щепкина»

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

М. С. ЩЕПКИН

Фотография, 1850-е гг.

Исторический музей, Москва

зрителей доносились вопли виновного («Записки Ивана Степановича Жиркевича». — «Русская старина», 1875, № 8, стр. 568. См. также Гурий Эртаулов. Воспоминания о некогда знаменитом театре графа С. М. Каменского в г. Орле. — «Дело», 1873, № 6).

В своих желаниях Каменский не знал удержу. За понравившихся ему актеров Кравченковых с шестилетней дочерью, хорошо танцевавшей «качучу» и «тампест», он, не задумываясь, отдал помещику Офросимову деревню в 250 душ. Владельцы просили за Щепкина восемь тысяч рублей — Каменский предложил десять. Решину пришлось прибегнуть к своему авторитету генерал-губернатора, чтобы предотвратить печальную для актера развязку (И. Айзеншток. Из первых лет сценической деятельности Щепкина. — «Театр», 1938, № 8).

Дело о выкупе Щепкина затянулось. Отпускную он получил только 18 ноября 1821 г «Театральная компания», которую Щепкин, вместе со своими товарищами по сцене, организовал в Киеве, успеха не имела. Тогда «вольнотпущенный» актер получил приглашение в Орел к Каменскому. Сведения об этом имеются в неизданных записках Е. Д. Щепкиной, по словам которой М. С. Щепкин играл в Орле «два раза или раз. Ему дали 500 ассигнациями». Его приглашали и хорошее жалованье давали, но Щепкин не остался...» (Рукописный отдел ГЦТМ, № 10976/136397). Когда же это было? По словам Щепкиной, ее муж из Орла «поехал в Тулу к Штейну». В Туле Щепкин прослужил год. Контракт его с антрепренером И. Ф. Штейном закончился в марте 1823 г. Следовательно, пребывание Щепкина в Орле у Каменского можно с достаточной точностью датировать февралем 1822 г.

Ко времени пребывания актера в Орле относится найденный мною рассказ Щепкина, записанный его приятелем, известным собирателем русских ска-

зок А. Н. Афанасьевым. Это — история жизни замечательной крепостной актрисы, которая осмелилась протестовать против надругательства над ее достоинством женщины. О печальной своей судьбе она со слезами рассказала Щепкину. В записи Афанасьева указана и ее фамилия: Кузьмина.

Кузьмина, или Козмина, принадлежала вначале отставному гвардии прапорщику и казанскому помещику Павлу Петровичу Есипову. По словам Вигеля, Есипов «был одним из тех русских дворян, ушибленных театром, которые им же потом лечились» (Ф. Ф. Вигель. Записки. М., 1928, т. I, стр. 234). Получив в 1802 г. разрешение на открытие театра в Казани, Есипов выстроил для него деревянное здание в северной части нынешнего Державинского сквера.

В сезон 1803—1804 г. театр открылся. Актеров для него Есипов набрал из своей деревенской крепостной труппы. Человек «добрый и пустой, который никакого понятия не имел о порядке», он растратил почти все свое состояние на постановку драматического дела в Казани и в 1810 г. был вынужден просить о казенной субсидии или же о взятии театра в казенное управление. Оба эти ходатайства не были удовлетворены. Театр влячил жалкое существование. Неудачи расстроили здоровье Есипова, и 4 июля 1814 г. он умер («Казанские известия», 1814, № 31, стр. 419).

После его смерти театр окончательно распался. Наследники продали и здание и часть крепостной труппы.

Осенью 1815 г. Кузьмина уже выступала в театре Каменского, как это явствует из следующей заметки, помещенной в «Московских ведомостях»: «Из Орла, октября 13. На сих днях открыт здесь театр... Многие из здешних актеров, и актриса Козмина, имеют такие таланты, кои были бы замечены и в столицах» («Московские ведомости», 1815, № 90).

Характеристика ее игры есть в книге И. М. Долгорукова «Путешествие в Киев в 1817 году» (М., 1870). По словам Долгорукова, Кузьмина была «лучшей артисткой» в труппе Каменского. Увидев ее 11 июня в комедии Николая Ильина «Физиогномист и хиромантик», Долгоруков писал: «Кузьмина даже так хороша, в разных своих превращениях, что ей бы и в Москве, между свободными талантами, ударили в ладоши. Голос небольшой, но верный, произношение правильно, игры и натуры довольно для безделки» (назв. сочинение, стр. 8—9).

Подлинный рассказ о судьбе крепостной актрисы Кузьминой позволяет судить, как творчески свободно интерпретировал его Герцен и, вместе с тем, с какой точностью воспроизвел он в «Сороке-воровке» основную сюжетную коллизию и ряд деталей, сообщенных ему Щепкиным.

Рассказ Щепкина А. Н. Афанасьев записал в своем «Дневнике» не ранее 12 октября 1861 г. Запись публикуется по автографу (ЦГИАМ, ф. № 279, оп. № 1, ед. хр. 1060, л. 234—235).

⟨РАССКАЗ ЩЕПКИНА О КРЕПОСТНОЙ АКТРИСЕ КУЗЬМИНОЙ⟩

«Сорока-воровка» (рассказ Искандера) составлена из действительной были, переданной автору М. С. Щепкиным. Около 1806 года (?)¹ поступил Щепкин ⟨3 нрзб.⟩ в труппу графа Каменского (в Курске²). Граф выбрал для его первого дебюта «Богатнова»³, назначил играть через неделю и дозволил посещать театр, выдав на все представления билет (граф сам продавал билеты)⁴. Щепкин увидел в «Сороке-воровке»⁵ Кузьмину, был поражен силою ее чувства и таланта и попросил о позволении видеть ее⁶. Позволение выдавалось самим графом. Получив билет на вход к г-же

Кузьминой в 12 часов на другой день, Щепкин пошел к ней (актрисы жили на особом дворе, во флигелях), позвонил. Вышел с другой стороны швейцар:

— Вам кого?

Щепк(ин) показал билет. Он указал куда идти, там опять звонок. Девочка впустила его. Две скромных комнатки, слезы Кузьминой и рассказ ее: она б(ыла) крепостная Есипова, к(оторы)й имел свою труппу⁷. Для этого барин, заметя ее дарование, дал ей порядочное воспитание (дело б(ыло) в Казани и учили ее тамошние профессора), она знала языки фр(анцузский), немец(кий) и английск(ий), читала Шекспира на родн(ом) языке *. Есипов давал актерам по особой комнате и небольшому жалованью, обходился хорошо и обещал по смерти отпустить всех на волю. Но умер, не исполнив этого намерения, от удара. Наследники стали поправлять расстроенное имение и продали труппу за 300 000 графу Каменскому⁸, богачу, сильно прожившемуся на собств(енном) театре, хотя он и ничего не понимал в искусстве. Тут их разместили хорошо, Кузьминой назначено б(ыло) 1500 р. жалованья. Но, делая своей актрисе замечания касательно ее игры, граф начал намекать, что не прочь от любовной с ней связи. Девушка не понимала намеков, и он решил отправиться к ней и просто объявить свою волю. «Во мне впервые оскорблена была женщина». Гордый отказ:

— Я знаю, граф, вы м(ожете) меня сослать, засечь, но не в вашей силе заставить меня...

Начались мелкие утеснения (одобряя игру других, граф об ней молчит, потом не шьет ей для ролей нов(ых) костюмов). Раз Кузьмина д(олжна) б(ыла) играть кокетку в «Липецких водах»⁹. У ней б(ыло) своих денег от прежней жизни у Есипова тысяч до пяти, она решила сама купить себе платье.

— Мо(жно) здесь достать такой-то костюм? — спрашивает у своей подруги по театру.

— Можно.

— Проводи меня в магазин.

— Да ты бы попросила лучше графа.

— Нет, не хочу; он подумает, что я выпрашиваю платье не для сцены, а для себя.

— Ну, пойдем, да спросилась ты у графа? **

— Зачем?

— Да, ведь без того нас не пустят.

«Тут я почувствовала, что на мне зазвенели цепи». Отправившись к графу, она стала просить дозволения; а граф в ответ:

— Рано же ты собралась идти к своему любовнику!

— Граф, я сказала вам зачем иду, и не дала никакого повода к подобным подозрениям.

— Да не смотри за вами, так вы тотчас все сделаетесь блядами!

Актриса вспыхнула:

— Плохо же вы знаете женщин! Несмотря на ваши запоры и прищотры я обещаю вам, что через год буду с ребенком, если только природа не обидела меня плодородием.

«Я исполнила свое обещание; тут не (было) любви, тут б(ыло) только презрение к власти, своим бесчестием я плюнула в лицо моему господину».

* В то время б(ыло) в моде декламировать по домам отрывки из драм и трагедий, и Кузьмину (крепостн(ую) девку) стали приглашать на вечера барыни, и так(им) обр(азом) ввели ее в другой кружок. — *Примеч. А. Н. Афанасьева.*

** В автографе описка: у князя

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пребывание Щепкина у Каменского относится к 1822 г.
- ² В записи Афанасьева ошибка: труппа гр. Каменского находилась в Орле.
- ³ Комедия в пяти действиях М. Загоскина «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице». Щепкин играл в ней заглавную роль.
- ⁴ По свидетельству современников, Каменский с 7 до 9 часов утра проводил в театральной конторе, где раздавал публике билеты, записывая каждую выдачу в книгу и внося полученные деньги в особую шнуровую тетрадь («Записки Ивана Степановича Жиркевича». — «Русская старина», 1875, № 8, стр. 569; Орловский старожил Л. Былые чудачки в Орловской губернии. Орел, 1909, стр. 15—16).
- ⁵ «Сорока-воровка, или Палезосская служанка». Историческая драма в трех действиях. Сочинение гг. Кенне и Д'Обицки. Пер. с французского г. Вальберха. СПб., 1816. Кузьмина играла в пьесе заглавную роль.
- ⁶ Крепостные актрисы Каменского «содержались взаперти в четырех стенах, как бы в гареме, и, кроме как в театр, никуда не выходили...» (М. Бутурлин. Театр графа Каменского в Орле в 1827 и 1828 годах. «Русский архив», 1869, стр. 1712).
- ⁷ П. П. Есипов — владелец Казанского театра. Лучших из своих крепостных актеров Есипов «возил в Петербург, чтобы дать им возможность познакомиться с игрою столичных театральных светил того времени, а главные две звезды его труппы — «герой» Федор Львов и «героиня» Феклуша (обладавшие недожинным дарованием) удостоились пройти некоторые роли с знаменитым Дмитриевским» («Спутник по Казани». Казань, 1895, стр. 394). По словам современника, Есипов «старанием своим» довел Казанский театр «до весьма значительной степени совершенства, так что оный из театров, находящихся в губернских городах, мог почитаться одним из лучших» («Казанские известия», 1814, № 31, стр. 419). О театре Есипова см. также: «Казанская история» Николая Баженова, ч. 2, Казань, 1847, стр. 97—98; «Краткая история города Казани», соч. Михаила Рыбушкина, ч. 1, Казань, 1848, стр. 130—131; «Казань в ее прошлом и настоящем». Составил М. Пинегин, СПб., 1890, стр. 392—393; С. Т. Аксаков. Собр. соч., т. II. М., ГИХЛ, 1955, стр. 150.
- ⁸ По свидетельству И. М. Долгорукова, посетившего Каменского в 1817 г., у графа на театре играли алтеры, «ауценные недавно у такого же охотника... Для приобретения их, говорят, будто граф продал 500 душ хлебопашцев...» («Путешествие в Киев в 1817 году». М., 1870, стр. 7). По всей вероятности, речь здесь идет о покупке труппы у наследников П. П. Есипова.
- ⁹ Комедия кн. А. А. Шаховского «Липецкие воды, или Урок кокеткам».